

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Фишман Л.Г. Недовоображенное сообщество // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 1, с. 43–58.

УДК 321

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358

НЕДОВООБРАЖЕННОЕ СООБЩЕСТВО¹

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук, профессор РАН,
главный научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: lfishman@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-5062-8291

Материал поступил в редколлегию 19.01.2018 г.

В статье обосновывается точка зрения, согласно которой советский патриотизм является продолжением – но не имперской традиции, якобы присущей русскому народу с давних пор, а другой, идеологизированной, социалистической традиции, ведущей свое происхождение от русского народничества и марксизма. Исходя из концепции Б. Андерсона, автор утверждает: национализм не единственная из ставших возможными в Современности интегрирующих общество стратегий выстраивания картин *воображаемого сообщества*, поскольку при определенных условиях картины, рисуемые социальными группами, доминирующими в процессе выстраивания представлений общества о самом себе, вовсе не обязательно будут центрированы именно на национальной проблематике, и показывает, что политика, проводимая в послереволюционной России в русле социалистической идеологической традиции, имела своей целью формирование изоморфного западным, но не-националистического

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00211 «Общественное согласие в России: механизмы идеологической и институциональной регуляции».

и не-имперского воображаемого сообщества нового типа. В статье раскрываются причины, по которым в качестве итога этой политики мы имеем не столько советский патриотизм, сколько *недовоображенное сообщество*, существующее и сейчас.

Ключевые слова: воображаемое сообщество, национализм, нация, империя, идеология, культура.

В данном исследовании мы хотим задаться неоднократно поднимавшимся вопросом о характере российской идентичности. Чем мы являемся – нацией, империей, неким доимперским или уже постимперским («постколониальным») сообществом? Если еще не являемся ничем, то в каком направлении идем? Если верить нашей Конституции и отчасти официальной риторике, мы движемся в сторону формирования нации. Указанная стратегия, очевидно, строится на представлении, что «нормальная» коллективная идентичность непременно конструируется в национальных терминах. Правда, с учетом исторического бэкграунда подобный тезис сам по себе вызывает ряд вопросов.

И первый из них: почему в России не сформировался буржуазный национализм, аналогичный английскому, французскому, немецкому и т.д.? Чаще всего встречающийся (и являющийся едва ли не официальной позицией) ответ на этот вопрос сегодня таков: поскольку Россия была империей, массовое сознание было тоже имперское, и, в дальнейшем унаследованное *советским патриотизмом*, оно абсолютно противоречит национализму (этнонационализму). В негативном ключе данный взгляд формулируется следующим образом: «“Советский” был эвфемизмом дореволюционного “русского”, а именно – человеком неопределенной национальности, но четкой принадлежности к идеологизированной империи – Советскому Союзу. Тождественность советского сознания с русским и – соответственно – имперским сознанием основана на том, что политический режим России – СССР во все времена был построен на отсутствии гражданского общества, на этатизме. В сознании людей государство не было отделено от общества: государство, империя и есть само общество и наоборот. А поэтому интересы общества, людей идентичны интересам и целям государства, империи» (Анисимов). В данной парадигме «нормальный» национализм и «порочное» имперское сознание рассматриваются как исключаящие друг друга. Такой позиции придерживаются, например, русские националисты антиимперского толка вроде К. Крылова или В. Тора.

В позитивном же ключе, из, казалось бы, органично присущей России и русским имперской традиции выводится советский патриотизм, который рассматривается как продукт преодоления нигилизма по отношению к дореволюционному периоду России, как оптимальный баланс «между национальным патриотизмом русских и чувством уважения и почитания ко всем народам России» (Данильченко). Понятно, что из таким образом трактуемого советского патриотизма путем радикального очищения его от советского наследия можно вывести современный официальный российский патриотизм (другое название *гражданского национализма*), что, собственно, и

делается. Иными словами, соблюдается преемственность и непрерывность традиции, что отвечает пожеланиям российской власти.

Наша задача – обосновать точку зрения, согласно которой а) советский патриотизм является продолжением *не имперской, а другой традиции*, идеологизированной, социалистической, ведущей свое происхождение от русского народничества и марксизма; б) политика, осуществлявшаяся в русле этой традиции, имела своей целью создание изоморфного западным, но не-националистического и не-имперского *воображаемого сообщества* нового типа; в) объективным итогом этой политики стало формирование не столько советского патриотизма, сколько своего рода *недовоображенного сообщества*, в котором мы сейчас и живем.

Мы будем тут исходить из концепции Б. Андерсона, описывающей национализм как одну (но не единственную) из ставших возможными в Современности интегрирующих общество стратегий выстраивания картин воображаемого сообщества. С нашей точки зрения, из применения Андерсоном предельно широкого термина «воображаемое сообщество» по отношению к нации следует, что при определенных условиях картины, рисуемые социальными группами, доминирующими в процессе формирования представлений общества о самом себе, вовсе не обязаны быть замкнутыми именно на национальной проблематике. Доминирующие идеологии и утопии являются точно такими же картинами, причем многие из них ставят в качестве центральных иные вопросы. Например, либерализм и социализм в своем аутентичном виде национальной проблематикой не слишком озабочены. Соответственно, можно предположить, что если не озабоченные «национальным вопросом» идеологии окажутся доминирующими и если какие-то другие социальные группы не смогут по разным причинам их переориентировать, то воображаемое сообщество вовсе не обречено на то, чтобы принять облик «*буржуазной нации*». Политическое, экономическое, культурное и этническое единство населения страны может существовать объективно, но их сочетание под эгидой нации определяется картиной воображаемого сообщества, которая господствует в головах тех, кто это объединение осуществляет. Если нация, как справедливо замечает ряд ученых, есть конструкт, то это подразумевает, что в ряде ситуаций конструкт может быть и не нацией. Могут быть и другие конструкты, если политическое, экономическое, культурное единство осмысливается не в условиях господства буржуазии и аристократии, для которых национализм является инструментом мобилизации масс ради своих целей. Базовый концепт политического единства может быть надклассовым (что вовсе не противоречит основаниям господствующей либеральной идеологии) и притом не окрашенным в отчетливо национальные тона, как это сейчас наблюдается в европейском и американском гражданском национализме. Следует отметить, что современный западный гражданский национализм выступает следствием крушения как раз той двойственной, противоречивой модели национализма, которая преобладала в большинстве европейских стран к началу Первой мировой войны. Двойственность этой модели была обусловлена только частичным совпадением имперско-аристократического национализма

верхов и тех картин воображаемого сообщества, которые вырабатывались значительной частью интеллектуалов, стоявших на либеральных и социалистических позициях. Подобного рода картины, в принципе, возможны как в классическом буржуазном направлении, когда в рисовании образа воображаемого сообщества доминирует буржуазия и имперская аристократия, так и в направлении либерально-социалистическом, когда место буржуазии занято другим революционным классом, партией и т.д. Воображаемые сообщества либералов и социалистов описывались скорее не в национальных, а в социальных терминах, и к тому же под углом зрения либо формально-надклассовым, либо, по крайней мере, народным (пролетарским, не-буржуазным и не-аристократическим).

Конечно, необходимо уточнить, что историческая логика образования и территориальной сборки централизованных буржуазных государств далеко не во всем совпадала с логикой современных идеологий. Логика сборки государств и становления идеологий отчасти пересекаются и влияют друг на друга, но в то же время изменяются по своим законам хотя бы потому, что имеют дело с пересекающимися, но не полностью совпадающими социальными субъектами. Более того, историческая логика формирования национальных государств, вкупе с обслуживающими ее политическими дискурсами империализма и национализма, нередко определяла поведение тех же либералов и социалистов; здесь наиболее ярким примером служит крах Второго интернационала с началом Первой мировой войны. Но после Первой мировой войны, после крушения одних империй либо впадения в кризис других удовлетворяющее всех воображаемое сообщество стало трудно или невозможно рисовать имперско-националистическими красками – скорее уж национально-демократическими или даже национально-социалистическими. Ну а после Второй мировой войны, с окончательным крушением мировой колониальной системы, национальный элемент в этих картинах еще более уступил свои позиции в пользу либерального, демократического и социалистического. Имперско-националистическая традиция рисования воображаемого сообщества в конечном счете потерпела крах, а инициатива перешла к временно оттесненной традиции либерально-социалистической; так сформировался современный *гражданский национализм*.

Из сказанного выше следует, что облик, который примет «воображаемое сообщество», зависит от доминирующей социальной группы (по крайней мере, доминирующей в области формирования идеологических дискурсов). Точнее – от соотношения степени влияния таких групп на процесс формирования облика воображаемого сообщества. Далее все зависит от того, кто выигрывает в процессе конкуренции. Исходя из указанных посылок, мы попытаемся проследить происхождение советского патриотизма. Оно вряд ли может быть адекватно объяснено в имперской или антиимперской парадигме, однако его генезис, с учетом отечественной специфики, во многом перекликается с генезисом современного западного гражданского национализма. В данном случае тоже имело место крушение одной традиции и возобладание другой. Каковы же были эти идеологические традиции, в

русле которых в дореволюционной России рисовались основные конкурирующие картины воображаемого сообщества?

Официозное народничество, в сущности, являлось попыткой насадить в России какой-то аналог европейского имперского национализма, частью единого процесса, в ходе которого «...Романовы открыли, что они великороссы, Ганноверы – что они англичане, Гогенцоллерны – что они немцы, а их кузены с несколько большими затруднениями превращались в румын, греков и т.д.». В итоге возник ряд так называемых *официальных национализмов*, плодов «волевого соединения нации с династической империей», «в числе которых царистская русификация является лишь самым известным примером» (Андерсон 2001: 107-108). При этом в России имперско-националистическое сознание с его знаменитой уваровской «триадой» так и осталось уделом элит.

Оппозиционное народничество разных оттенков – от революционного до либерального. Его позицию следует учитывать в первую очередь, поскольку, как отмечает В. Жукоцкий, «народнический дух пронизывал все поры русской культуры ... он, безусловно, присутствовал и в “новом религиозном сознании”, и в русском символизме, и, разумеется, в русском марксизме. ... Исключительная российская ментальность накладывала даже на чисто либеральные настроения вуаль романтического народничества» (Жукоцкий, Фурман 2004: 164). Далее, если использовать марксистскую терминологию, понимание народа у народников можно характеризовать пусть и не как классовое, но в некоторых отношениях как близкое к нему. Уже народовольцы писали: «“Народная воля” ... в политическом смысле осуществляет стремления всего великого русского народа, всех угнетенных классов, слоев, групп, нации», «она является общенациональной партией» (Цит. по: Алексеева 1990: 204). Орган П.Л. Лаврова «Вперед!» провозглашал: «Мы все русские, требующие для России господства народа, настоящего народа; все русские, сознающие, что этого господство может быть достигнуто лишь народным восстанием и решившиеся подготовить это восстание, уяснить народу его права, его силу, его обязанность» (Цит. по: Итенберг 1988: 129). П.Н. Ткачев в работе «Революция и принцип национальности» утверждал: «Как не может быть якутской, чувашской, малорусской, грузинской и т.п. геометрии, так не может быть чукотского, чувашского, малорусского, грузинского и т.п. социализма»; он считал, что под влиянием социализма «неминуемо и неизбежно должны ослабиться и исчезнуть все племенные особенности, все национальности должны слиться в одну общечеловеческую семью» (Ткачев 1933: 423-424).

Все это отдаляло народнический дискурс от имперско-националистического: народ не являлся тождественным нации. По замечанию Н. Бердяева, народники употребляли слово «народ» в смысле простонародья, крестьянства, социально угнетенных классов общества. Народ для них был социальным образованием. «Нация же, – продолжает Бердяев, – есть реальность порядка мистического. К нации неприменимы никакие социально-классовые категории. Русский народ как нация, как цельный организм есть реальность умопостигаемая, сверхэмпирическая, мистическая ... В лагере нашей атеистической и материалистической интеллигенции идея народа как нации, как живого организма, разложилась, расплылась, разбилась на социальные классы и

группы. Для этого сознания Россия с ее загадкой перестала существовать, существуют лишь крестьяне или рабочие, лишь социальные группы. Национальное сознание было утеряно» (Бердяев). Иными словами, народничеству был чужд тот надклассовый мистицизм «крови и почвы» и прочей «загадочности», который характерен для «правильного» национализма.

В целом же можно согласиться с М. Кирчановым, который считает, что «народничество было частично национальным движением в донациональном и домодерном обществе, теоретики которого не только были не в состоянии осознать важность национального фактора и компонента в российской государственности, но и стали основоположниками негативной динамики в последующем развитии русского национализма. Народники были своего рода дефектным или неполным национальным движением» (Кирчанов 2012: 20-21). Добавим: даже резонней заключить, что народники и не были собственно «национальным движением».

В контексте вышеизложенного следует обратить внимание на точку зрения, согласно которой народничество – не «просто национализм», но «национализм современного типа» (Эткинд, Уффельман, Кукулин 2012: 28) или, по крайней мере, обнаруживает явное с ним сходство. (Например, М. Кирчанов полагает возможным осмысливать П. Лаврова как одного из предшественников русского политического гражданского национализма, который в центр своих концепций ставил не этническое, а гражданское понимание нации.)

Подобный подход можно признать вполне правомерным при условии, что под национализмом современного типа понимается национализм, перерастающий рамки национализма буржуазного и имперско-аристократического с его уклоном в этничность и даже расизм. Народничество в этом смысле имеет сходство с еще не обретшим четкую классовую (буржуазную) окраску патриотизмом третьего сословия времен Великой французской революции. Как писал один из идеологов «Народной воли», Русанов, «“Народная воля” ... является общенациональной партией» (Цит. по: Алексеева 1990: 204). Даже по мнению правых народников, таких как Пешехонов, «наступит время, когда все человечество сплотится в одно неразрывное целое и составит одно общество» (Цит. по: Алексеева 1990: 188). Народничество можно рассматривать в качестве идеологического прототипа воображаемого сообщества, описываемого в терминах гражданского национализма, который в первую очередь строится на постулате равенства всех граждан вне зависимости от их этнической, религиозной, классовой принадлежности.

Марксисты – социалисты, для которых национализм является стратегией элит. Их позиция заключается в том, что есть вопросы и поважней национального, а так называемый национальный вопрос в своей глубине – социальный и классовый. Например, И.В. Сталин (к которому мы тут отсылаем как к одному из главных конструкторов будущего *советского патриотизма*) в работе «Марксизм и национальный вопрос» утверждает, что в России национальный вопрос является второстепенным, поскольку «судьбы русского вопроса, а, значит, и “освобождения” наций связываются в России с решением аграрного вопроса, то есть с уничтожением крепостнических остатков, то есть с демократизацией страны»; «не национальный, а аграрный вопрос ре-

шает судьбы прогресса в России» (Сталин 1937: 19). Сталин производит своего рода деконструкцию того типа воображения, которое постулирует наличие специфического национального вопроса. Он призывает решать конкретные проблемы, важные для национальных меньшинств. Предоставьте меньшинству реальные права на свои школы, язык, гарантируйте свободу совести и т.д. – «и оно перестанет быть недовольным» (Сталин 1937: 43).

Таким образом, российская революционная интеллигенция, начиная с народников и заканчивая марксистами, воображала себе некое небуржуазное, некапиталистическое, солидарное сообщество, в котором в перспективе «соются в одно все народы в вольном царстве святого труда». Эта картина была привлекательной даже для некоторых либералов: по воспоминаниям В.В. Бартенева, по крайней мере, часть русских либералов отличали себя от западных на том основании, что они «отнюдь не являются поборниками интересов буржуазии, и если они добиваются политической свободы, то вовсе не для того, чтобы на ней обосновать господство буржуазии над пролетариатом» (Бартенев 1987: 205).

Возникает закономерный вопрос: а как же сам народ? Неужели у него не было своей картины воображаемого сообщества – например, сообщества имперского, как утверждают те, кто приписывает русскому народу чуть ли не врожденное имперское сознание? Однако, как отмечает Э. Летняков, «нельзя быть имперским народом, не идентифицируя себя с собственной страной, хоть в какой-то степени не осознавая (и не поддерживая) цели имперского строительства». При внимательном же рассмотрении обнаруживается, что «крестьянская политическая культура (то есть культура почти всех жителей России до 1930-х гг.) – это типичная приходская культура ... целиком ориентированная на локальное сообщество. Крестьянские массы никогда не идентифицировали себя с имперскими институтами, они не понимали и не могли понимать геополитические задачи, которые эта империя ставила перед собой, им абсолютно чужда была идея русского мессианства ... Крестьяне шли в Сибирь, а затем и в другие осваиваемые регионы в поисках лучшей жизни – они уходили подальше от власти помещиков, спасаясь от малоземелья и т.д.» (Летняков 2015: 117-118).

Иными словами, в предреволюционной России не было разделяемой всеми или большинством картины воображаемого сообщества. Впрочем, нельзя сказать, что в этом заключалось ее существенное отличие от Европы: например, еще в конце XIX в. крестьянское население родины европейского национализма – Франции – обладало вполне себе местечковым сознанием. Тем не менее в Европе картины воображаемых сообществ народа, социалистов, буржуазии, аристократии и т.д. могли частично совпадать, поскольку в парадигме имперского национализма метрополия и колонии не были одним и тем же и «белый человек» из метрополии мог ощутить себя господином в колониях. Поэтому там стал на какое-то время возможным национализм как поветрие, захватившее почти все слои общества, в том числе интернациональных социалистов, с началом Первой мировой войны. Впрочем, даже и в Европе национализм народа отделяла от национализма «верхов» достаточно глубокая пропасть, о чем, по словам Андерсона,

«говорит то равнодушие, с которым низшие классы метрополий лишь пожимали плечами по поводу “утраты” колоний. ... В конце концов, всегда именно правящие классы – разумеется, буржуазные, но прежде всего аристократические – долго оплакивают империи, но их горе неизменно носит черты театрального притворства» (Андерсон 2001: 132).

В России в указанном отношении все было еще сложнее и запутанней. Отчасти свет на причины этой запутанности проливает концепция внутренней колонизации, которая, будучи спорной со стороны своей экономической и социологической фундированности, хорошо иллюстрирует идеологический аспект сложившейся в России ситуации. Согласно данной концепции русский не ощущал себя однозначно колонизатором и господином во всех уголках империи; часто, наоборот, он сам являлся столь же объектом, сколь и субъектом колонизаторской политики со стороны правительства. Эта ситуация отразилась в умонастроениях оппозиционно настроенных интеллектуалов, у которых сложилась «собственная устойчивая интерпретация императорского мифа завоевания – как воображаемой внешней колонизации географических и социальных пространств, которые интерпретировались как “внутренние”» (Родевальд 2012: 524).

Итак, в Российской империи аналогичная европейской двойственная противоречивая картина имперско-националистического воображаемого общества не успела толком сложиться и овладеть помыслами большинства. Картины, воображаемые разными слоями сообществ в дореволюционной России, совпадали в ощутимо меньшей степени, чем в Европе, поэтому российский национализм оказался таким же «слабым звеном» в цепи европейских национализмов, как и российский империализм в цепи империализмов европейских. Неудивительно, что после революции 1917 г. зарождение воображаемого сообщества на просторах бывшей Российской империи «пошло другим путем»; это в итоге привело к формированию советского патриотизма.

Подробный анализ советского патриотизма не является целью данной статьи. Мы намереваемся здесь показать лишь то, что в силу своего генезиса он не может быть адекватно осмыслен в имперских категориях. Скорее, советское воображаемое сообщество конструировалось как оригинальный вариант современного государства, изоморфного европейскому гражданскому национализму, хотя и не сводимого к нему. Как замечает В.С. Мартьянов, построение социализма сначала в отдельно взятой стране, а потом и в социалистическом лагере «представляло собой не что иное, как разработку варианта Модерна, альтернативного западному» (Мартьянов 2007: 270). Добавим – альтернативного *потерпевшему крушению* западному варианту Модерна. Советский социализм и советский патриотизм стали хронологически первыми вариантами ответа на катастрофу имперского национализма европейского типа; это первая альтернативная ему картина и реализованный проект воображаемого сообщества. В СССР в каком-то смысле раньше всех стали строить современное государство – поскольку там раньше всех и радикальней всех была ликвидирована и без того слабая культурная надстройка имперского национализма западного типа. Не случайно, по данным опроса 2001 г., жители советской квазиимперии вос-

принимали ее в первую очередь как современное государство, которое обеспечило справедливость для простых людей и сделало для них возможной приличную жизнь, «ностальгия по СССР – это в первую очередь ностальгия по социальной защищенности, бесплатному образованию и медицине, а не по советским танкам в Чехословакии или ракетам на Кубе» (Летняков 2012: 121-122). Подобные представления в большей мере отсылали не к империи, а, скорее, к гражданскому национализму западного типа, освобожденному от своего империалистического прошлого.

Тем не менее трудно поспорить с фактом: описанная выше альтернативная имперскому национализму идеологическая традиция (и политика) оказалась достаточно сильной для существенного изменения траектории формирования коллективной идентичности народов Российской империи, но ее воздействия не хватило, чтобы явить миру *устойчивое* сообщество нового типа. СССР распался на национальные государства или государства, *стремящиеся выглядеть* национальными; пример тому – нынешняя Россия. Но почему так произошло? Можно ли сказать, что собственно советская политика в области культуры с течением времени была подменена квазиимперской и национальной? Так считают некоторые исследователи; они, как Д. Бранденбергер в частности, обнаруживают в советской культурной политике, начиная с 1930-х гг., отчетливую преемственность с дореволюционным прошлым – в первую очередь в области осмысления и преподавания истории (Бранденбергер 2009). Делается вывод, что эта политика привела к формированию у русских если не буржуазного национального самосознания, то его эквивалента: русские впервые осознали себя как единую социальную общность, имеющую свои историю, роль в мире, миссию и т.д., тогда как раньше они обладали местечковой идентичностью.

На наш взгляд, картина выглядит менее однозначной. Вряд ли стоит вести речь о каком-то целенаправленном возрождении империализма и национализма: ведь нельзя возродить то, чего не было. Скорее, можно сказать, что, по ряду причин, одного непосредственного идеологического воздействия оказалось недостаточно для формирования в массовом сознании советских людей прочно закрепившейся картины воображаемого сообщества нового типа. Чтобы пропаганда достигла своей цели, от ее реципиентов требуется определенный уровень культуры, который элементарно позволяет понимать эту пропаганду. Для того чтобы помыслить воображаемое сообщество, нужно вначале научиться просто воображать. Социализм и коммунизм, будучи совсем непростыми идеологическими построениями, требовали весьма высокого уровня культуры для их адекватного усвоения. И этот уровень не был достижим одномоментно, по крайней мере без прохождения предшествующих ему стадий.

Поэтому стратегия большевиков, которую в общих чертах сформулировал Ленин в последних работах, во многом могла быть сведена к окультуриванию народов бывшей Российской империи в самом широком смысле слова. Социализм описывался как диктатура пролетариата, под руководством которой трудящиеся овладеют всем лучшим, что произвело человечество в плане культуры.

Но овладение культурой есть, во многом, освоение художественной культуры, прежде всего литературы (Б. Андерсон не случайно акцентирует внимание на роли романа в процессе конституирования воображаемых сообществ). В СССР это было знакомство с русской и зарубежной классической литературой. В целом народу была доступна литература, «дотягивающая» его до уровня, на котором он мог вообразить коллективное сообщество как *национальную* Родину, как империю. И, в значительно меньшей степени, как некое сообщество нового типа, которое в такой литературе выступало скорее как смутная мечта, как нечто, чего еще только предстоит достигнуть в тяжелой борьбе, внося в имеющееся культурное наследие соответствующие коррективы. На это работал идеологический аппарат, а также энтузиасты, искренне верящие в возможность построения коммунизма.

Тем не менее рисуемые вдохновенными идеями коммунизма и интернационализма (а затем просто контролируемые идеологическим аппаратом) художниками картины собственно социалистического воображаемого сообщества оставались убедительными лишь до определенного периода, тогда как «классика», в том числе зарубежная, продолжала оказывать все более широкое влияние на массы, прежде всего на интеллигенцию. Так, люди времен заката СССР предпочитали видеть на своих книжных полках нечто классическое или зарубежное, нежели книги советских писателей, которые обычно приобретали в виде «нагрузки». Социализм и коммунизм к тому времени превратились в догматическую рутину, не способную затронуть воображения и породить сильные эмоции, – ничего, кроме скуки и скрытого отторжения. А их социальные достижения воспринимались как сами собой разумеющиеся, как некое следствие обладания тем самым культурным минимумом, которое составляет признак всякого цивилизованного сообщества.

Сравнительная слабость культурной политики советской власти в плане складывания в общественном сознании картин нового воображаемого сообщества обнаруживается на примере судьбы социалистического реализма.

Социалистический реализм в его каноническом варианте определялся как метод, в первую очередь нацеленный на описание борьбы за строительство нового общества, в процессе которой формировался новый человек.

«Социалистический реализм требует от писателя правдивого изображения действительности в ее революционном развитии и предоставляет ему всесторонние возможности для проявления индивидуальных способностей таланта и творческой инициативы, предполагает богатство и разнообразие художественных средств и стилей, поддерживая новаторство во всех областях творчества», – говорилось в Уставе Союза писателей СССР (Социалистический реализм).

Были созданы великие произведения, в которых особенно сильны были элементы романтизма и идеализма. Но, пожалуй, эти элементы и оставались их наиболее впечатляющей стороной, в то время как картины собственно нового общества выглядели менее убедительно – и продолжали терять в убедительности по мере движения от 1930-х к 1980-м гг. Далее выяснилось, что «из социалистических канонов “выламывалась” русская “деревенская проза”, изображавшая крестьянскую жизнь не в ее “револю-

ционном развитии”, а, напротив, в условиях социального насилия и деформации; литература рассказывала и страшную правду о войне, разрушая миф о казенной героике и оптимизме; по-иному предстали в литературе гражданская война и многие эпизоды отечественной истории. Дольше всех цеплялась за догматы социалистического реализма “производственная проза”. Важная роль в наступлении на сталинское наследие принадлежит в 1980-е гг. так называемой “задержанной”, или “реабилитированной”, литературе – не опубликованным в свое время произведениям А.П. Платонова, М.А. Булгакова, А.Л. Ахматовой, Б.Л. Пастернака, В.С. Гроссмана, А.Т. Твардовского, А.А. Бека, Б.Л. Можаяева, В.И. Белова, М.Ф. Шатрова, Ю.В. Трифонова, В.Ф. Тендрякова, Ю.О. Домбровского, В.Т. Шаламова, А.И. Приставкина и др. Разоблачению социалистического реализма способствовал отечественный концептуализм (соцарт)» (Ревякина 2012: 10-11).

В итоге наиболее интересная и читаемая литература рисовала реалистические, но не социалистические картины. А романтический элемент, оставаясь актуальным и привлекательным, утратил значимую идеологическую нагрузку и делал акцент в основном на перипетиях становления личности, которая вовсе не обязательно являлась борцом за светлое будущее. Воспитание на лучших образцах классической культуры (например, литературы золотого и серебряного века) побуждало людей осмысливать как свое бытие, так и реальное сообщество в категориях этой культуры, ощущать себя скорее не советским человеком, а, к примеру, «лишним человеком», романтическим героем и т.д. (Не говоря уже о разного рода прорывавшихся влияниях классической и современной западной культуры.) Одновременно на уровне общественной морали произошло постепенное «урезание» коммунистической универсальной этики до «этики добродетели», характерной для локальных сообществ, но лишь ограниченно пригодной для больших сообществ эпохи Модерна (Мартьянов, Фишман 2016b). Добродетели верности, чести, достоинства, дружбы и т.д. находили поддержку как в классической, так и советской литературе и оставались действенными; между тем более высокие идеалы превратились в пустую формальность, которой ритуально отдавали положенные почести, но которую не могли убедительно ни теоретически, ни эмоционально обосновать. Возможно, обществу нового типа как раз не хватило в первую очередь убедительной теории: люди искусства тем сильнее и ярче рисуют картины воображаемых сообществ, чем яснее понимают и разделяют обосновывающее их воззрение.

Наконец, социализм и коммунизм в их советском варианте, за немногими исключениями, были слишком сухи и в плохом смысле «теоретичны». Классика же выглядела гораздо доступней, понятней и ближе – она скорее завладевала воображением, формируя тем самым как личность, так и способности осмысления прошлого, настоящего и будущего. Да и не только классика: например, те же исторические и приключенческие романы советского периода, от Алексея Толстого до В. Пикуля, с гораздо большим успехом эстетизировали имперские и прочие подобные им реалии, чем это в отношении советских реалий удавалось авторам «производственных романов».

Литература, конечно, не единственный фактор, который формирует социальную (коллективную) память. Другим фактором (на что мы указывали выше) является идеология, которая, в числе прочего посредством литературы и иных видов искусства, по выражению А. Ассман, определяет контуры и содержание «политической» коллективной памяти (Ассман 2014: 34). Но что происходит, когда одна, официозная, часть такой коллективной памяти утрачивает способность производить впечатление и владеть воображением членов сообщества? Тем большее доверие приобретает другая ее часть, с другими сюжетами, в рамках которых создаются убедительные образы прошлого, альтернативные исторические мифы и начинает конструироваться иная, отличная от официозно-идеологической, традиция.

Так, в частности, под официозной соцреалистической маской на уровне субкультур в советском обществе сложились способы осмысления российской истории как имперской и национальной (общая культура «доросла» до этого). В национальных же республиках это проявилось еще ярче. Политика большевиков с самого начала подразумевала культурное «подтягивание» окраин, которые должны были неминуемо пройти национальную стадию развития – конечно, национальную по форме, но социалистическую по содержанию. Но социалистическое содержание постепенно ритуализировалось и иссякло, тогда как национальная форма, напротив, развилась и обрела свое содержание.

Следует подчеркнуть, что результатом усилий советской власти стал общий рост культуры масс до того уровня, который в Европе соответствовал эпохе формирования национальных воображаемых сообществ. И в Европе, и в России массы в какой-то период овладели культурой, которая раньше была достоянием высших классов – со всеми свойственными этой культуре (аристократической и буржуазной по происхождению) способами воспринимать страну как «свою», осознавать общность судьбы, иметь общую историю и т.д. От этого уровня (или параллельно с его достижением) можно было двигаться в направлении формирования иного, интернационального сообщества, что являлось изначальной целью и артикулировалось как возникновение новой исторической общности «советский народ». Но это сообщество так и осталось *недовоображенным*, а процесс подготовки его культурных оснований погас на стадии, которая сделала возможным формирование лишь имперской и отчасти националистической субкультур. С их политическими, пропагандистскими и культурными манифестациями мы и имели дело на протяжении последних трех десятилетий; к ним же обращается по нужде и нынешний российский политический режим, равно как и часть оппозиции. В основе же этих манифестаций обнаруживается инерция не доведенной до конца большевистской культурной политики.

Заключая, что можно сказать о современном российском патриотизме – якобы наследнике и советского патриотизма, и российского дореволюционного имперского национализма? На самом деле, не являясь наследником ни того, ни другого, он, скорее, есть попытка нынешних правителей России ввести в удобоваримое для себя русло наше недовоображенное общество. Нынешний российский патриотизм – следствие ограниченности

правлящей элиты, которая оказалась неспособной сконструировать в плане воображаемого сообщества что-то новое. Эта ограниченность обусловлена отчасти – ее общим со всеми остальными гражданами культурным наследием незавершенного советского эксперимента, отчасти – ее объективным социальным статусом: главным (и реализовавшимся) желанием постсоветской элиты было стремление обрести собственность и ренту с нее. Поэтому и ее попытки нарисовать приемлемый образ воображаемого сообщества заканчиваются поверхностным заимствованием уже опробованного – миксом из советской и царской символики, рассуждениями насчет «преемственности», «русским миром» и т.д., то есть тем, что можно назвать бесперспективным недонационализмом (Мартьянов, Фишман 2016а: 310-318).

Несмотря на заигрывание с символикой прошлого, для нынешнего российского политического режима не может идти речи о формировании имперского национализма старого типа; это оказалось нереалистичным уже в дореволюционной России. Потому что при общем подъеме культуры до примерного уровня культуры дореволюционных правящих классов можно было, конечно, унаследовать часть их воззрений, но только в плане мифологии, которая не имеет уже референта в виде реального социального субъекта. Так, советский интеллигент мог ощущать себя наследником дворянской культуры золотого и серебряного века, но сам не являлся дворянином. Можно воспринять часть мифологии имперской аристократии, но нельзя отменить тот факт, что самой аристократии уже нет. Нынешняя российская элита может пытаться позиционировать себя как наследника этой аристократии (пресловутая «преемственность») и даже устраивать балы в стиле ретро, но понятно, что она таковой не является. И, самое главное, у нынешней российской элиты нет общих триумфов и страданий с народом, которые, как заметил Э. Ренан, создают «нацию» (Ренан). Нынешние элиты, конечно, всячески пытаются присвоить себе чужие победы и соотнести себя с чужими и далеко отстоящими во времени страданиями – прежде всего, речь идет о Победе в Великой Отечественной войне, о революции, гражданской войне и репрессиях 1930-х гг. Все это неубедительно выглядит на фоне их поразительного равнодушия к актуальным лишениям своих соотечественников в пореформенный период 1990-х. Ведь эти лишения и страдания коснулись элиты явно не в той степени или не таким образом, каким обрушились на остальных. Но, явившись условием ее возвышения, эти лишения и страдания привели к тому, что у нынешней элиты нет общей судьбы с остальным народом. Однако без общей судьбы не может быть и приемлемого для всего сообщества, которое так и остается недовоображенным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Г.Д. 1990. Народничество в России в XX веке. (Идейная эволюция). М. : Наука. 246 с.
- Андерсон Б. 2001. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле. 288 с.
- Анисимов Е.В. Истоки имперского менталитета в России [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/news/5718/> (дата обращения: 12.12.2017).

Ассман А. 2014. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое лит. обозрение. 328 с.

Бартенев В.В. 1987. Воспоминания петербуржца о второй половине 1880-х годов // От народничества к марксизму: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге (1883–1894 гг.) / сост. И.Н. Курбатова, Т.А. Аркушенко. Л. : Лениздат. С. 162–222.

Бердяев Н. Алексей Степанович Хомяков [Электронный ресурс]. URL: http://www.libma.ru/filosofija/aleksei_stepanovich_homjakov/p8.php (дата обращения: 12.12.2017).

Бранденбергер Д. 2009. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб. : ДНК. 416 с.

Данильченко С.Л. Исторический феномен советского патриотизма [Электронный ресурс]. URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/15008/discussion_platform (дата обращения: 12.12.2017).

Жукоцкий В.Д., Фурман Ф.П. 2004. Народничество русской интеллигенции и культуры // Философия и общество. № 3. С. 156–175.

Итенберг Б.С. 1988. П.Л. Лавров в русском революционном движении. М. : Наука. 195 с.

Кирчанов М.В. 2012. Русское народничество и национализм: национальное движение в донациональную эпоху // Воронеж народниковедческий : сб. ст. / под ред. Г.Н. Мокшина. Воронеж : Истоки. С. 9–27.

Летняков Д.Э. 2015. К вопросу о генеалогии имперского сознания в России // Филос. журнал. Т. 8, № 2. С. 112–127.

Мартьянов В.С. 2007. Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире. Екатеринбург : УрО РАН. 348 с.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. (ред.) 2016а. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. М. : Полит. энцикл. 334 с.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2016б. Этика добродетели для новых сословий: трансформация политической морали в современной России // Вопр. философии. № 10. С. 58–68.

Ревакина А. 2012. О социалистическом реализме // Русский язык и литература. № 10. С. 3–14.

Ренан Э. Что такое нация? [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/renan_z_e/text_1882_chto_takoe_natzia.shtml (дата обращения: 12.12.2017).

Родевальд Ш. 2012. «Внешняя колонизация внутреннего» и «внутренняя колонизация внешнего»: оппозиционные элиты столиц vs. Лояльные элиты Западного края, 1830–1910 годы // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М. : Новое лит. обозрение. С. 518–552.

Социалистический реализм [Электронный ресурс]. URL: <http://e-rentier.ru.lit100.ru/text.php?t=181d> (дата обращения: 12.12.2017).

Сталин И. 1937. Марксизм и национально-колониальный вопрос : сб. избр. ст. и речей. М. : Партиздат ЦК ВКП(б). 232 с.

Ткачев П.Н. 1933. Избранные сочинения. Т. 3. М. : Изд-во политкаторжан, тип. «Образцов». 503 с.

Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин А. 2012. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М. : Новое лит. обозрение. С. 6–53.

L. Fishman. Nedovoobragennoye soobshchestvo [Under-imagined community], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 43–58. (in Russ.).

Leonid G. Fishman, Doctor of Political Sciences, Professor of Russian Academy of Sciences, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: lfishman@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-5062-8291

Article received 19.01.2018, accepted 22.02.2018, available online 01.04.2018

UNDER-IMAGINED COMMUNITY

Abstract. The article substantiates a point of view according to which «Soviet patriotism» is a continuation not of an «imperial» tradition, supposedly inherent in the Russian nation for a long time, but of another tradition – ideologized, socialistic one – originating from Russian populism and Marxism. Based on the concept of B. Anderson, it is asserted that nationalism is not the only society’s integrating strategy of building a picture of an “imagined community” that has become possible in modernity. Under certain conditions, the picture drawn by social groups that dominate the process of forming the society’s ideas about itself is not necessarily focuses on “national” issues. The article shows that the policy pursued in post-revolutionary Russia in the course of the socialist ideological tradition was aimed at the formation of a new non-nationalistic and non-imperial “imagined community”, nevertheless isomorphic to the Western types. The article argues that the objective result of this policy was not so much the formation of “Soviet patriotism” but of the “under-imagined community” that exists until now.

Keywords: imagined community, nationalism, nation, empire, ideology, culture.

References

Alekseeva G.D. *Narodnichestvo v Rossii v XX veke. (Ideynaya evolyutsiya)* [“Narodnik movement” in Russia in the XX century. (Ideological evolution)], Moscow, Nauka, 1990, 246 p. (in Russ.).

Anderson B. *Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism], Moscow, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2001, 288 p. (in Russ.).

Anisimov E.V. *Istoki imperskogo mentaliteta v Rossii* [The origins of the imperial mentality in Russia], available at: URL: <http://asiarussia.ru/news/5718/> (accessed 12 December 2017). (in Russ.).

Assmann A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Remembrance Culture and the Politics of History], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 328 p. (in Russ.).

Bartenev V.V. *Vospominaniya peterburzhtsa o vtoroy polovine 1880-kh godov* [Memoirs of the Petersburg resident about the second half of the 1880s], I.N. Kurbatova, T.A. Arkushenko (comp.), *Ot narodnichestva k marksizmu: Vospominaniya uchastnikov revolyutsionnogo dvizheniya v Peterburge (1885–1894 gg.)*, Leningrad, Lenizdat., 1987, pp. 162–222. (in Russ.).

Berdyaev N. *Aleksey Stepanovich Khomyakov* [Alexey Stepanovich Khomyakov], available at: URL: http://www.libma.ru/filosofija/aleksei_stepanovich_homjakov/p8.php (accessed 12 December 2017). (in Russ.).

Brandenberger D. *Natsional-bol'shevizm. Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931–1956)* [National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956], St. Petersburg, DNK, 2009, 416 p. (in Russ.).

Danil'chenko S.L. *Istoricheskiy fenomen sovetskogo patriotizma* [The historical phenomenon of the Soviet patriotism], available at: URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/15008/discussion_platform (accessed 12 December 2017). (in Russ.).

Etkind A., Uffel'mann D., Kukul'in A. *Vnutrennaya kolonizatsiya Rossii: mezhdu praktikoy i voobrazheniem* [Internal colonization of Russia: between practice and imagination], A. Etkind, D. Uffel'mann, I. Kukul'in (eds.), *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, pp. 6–53. (in Russ.).

Itenberg B.S. *P.L. Lavrov v russkom revolyutsionnom dvizhenii* [Lavrov in the Russian revolutionary movement], Moscow, Nauka, 1988, 195 p. (in Russ.).

Kirchanov M.V. *Russkoe narodnichestvo i natsionalizm: natsional'noe dvizhenie v donatsional'nyu epokhu* [The Russian “Narodnik movement” and nationalism: the national movement in the pre-national era], G.N. Mokshin (ed.), *Voronezh narodnikovedcheskiy : sb. st.*, Voronezh, Istoki, 2012, pp. 9–27. (in Russ.).

Letnyakov D.E. *K voprosu o genealogii imperskogo soznaniya v Rossii* [On Genealogy of Imperial Consciousness in Russia], *Filosovskiy zhurnal*, 2015, vol. 8, no. 2, pp. 112–127. (in Russ.).

Mart'yanov V.S. *Metamorfozy rossiyskogo Moderna: vyzhivet li Rossiya v globaliziruyushchemsya mire* [Metamorphoses of Russian Modernity: if Russia can survive in a globalizing world], Ekaterinburg, UrO RAN, 2007, 348 p. (in Russ.).

Mart'yanov V.S., Fishman L.G. (eds.) *Rossiya v poiskakh ideologii: transformatsiya tsennostnykh regulyatorov sovremennykh obshchestv* [Russia in Search of Ideologies: the Transformation of Value Regulators of Modern Societies], Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2016, 334 p. (in Russ.).

Mart'yanov V.S., Fishman L.G. *Etika dobrodeteli dlya novykh sosloviy: transformatsiya politicheskoy morali v sovremennoy Rossii* [Ethics of Virtue for the New Estates: Transformation of Political Morality in Modern Russia], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 10, pp. 58–68. (in Russ.).

Renan E. *Chto takoe natsiya?* [What is a Nation?], available at: URL: http://az.lib.ru/r/renan_z_e/text_1882_chto_takoe_natzia.shtml (accessed 12 December 2017). (in Russ.).

Revyakina A. *O sotsialisticheskom realizme* [On Socialist Realism], *Russkiy yazyk i literatura*, 2012, no. 10, pp. 3–14. (in Russ.).

Rodeval'd Sh. «Vneshnyaya kolonizatsiya vnutrennego» i «vnutrennyaya kolonizatsiya vneshnego»: *oppozitsionnye elity stolits vs. Loyal'nye elity Zapadnogo kraja, 1830–1910 gody* [“External colonization of the internal” and “internal colonization of the external”: opposition elites of capitals vs. Loyal elites of the Western Territory, 1830–1910], A. Etkind, D. Uffel'mann, I. Kukul'in (eds.), *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, pp. 518–552. (in Russ.).

Sotsialisticheskiy realizm [On Socialist Realism], available at: URL: <http://e-rentier.ru.lit100.ru/text.php?t=181d> (accessed 12 December 2017). (in Russ.).

Stalin I. *Marksizm i natsional'no-kolonial'nyy vopros : sb. izbr. st. i rechey* [Marxism and the national-colonial question], Moscow, Partizdat TsK VKP(b), 1937, 232 p. (in Russ.).

Tkachev P.N. *Izbrannye sochineniya. T. 3* [Selected works. Vol. 3], Moscow, Izdatel'stvo politkatorzhan, tip. «Obraztsov», 1933, 503 p. (in Russ.).

Zukockij V.D., Furman F.P. *Narodnichestvo russkoy intelligentsii i kul'tury* [The Narodnik thinking of the Russian intelligentsia and culture], *Filosofiya i obshchestvo*, 2004, no. 3, pp. 156–175. (in Russ.).